

А.Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ
(Волгоград)

ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛА
(Рецензия на книгу: Кривонос В.Ш.
Гоголь: Проблемы творчества и
интерпретации. – Самара: СГПУ,
2009. – 420 с.)

В новой книге известного ученого, посвятившего исследованию поэтики Н.В. Гоголя три с лишним десятилетия, как и в предыдущих работах автора, раскрываются важнейшие грани художественного мира писателя и предлагаются новые аспекты его изучения.

Основные научные принципы исследовательского подхода В. Кривоноса к творчеству классика были отчетливо обозначены ученым в его фундаментальной монографии «Повести Гоголя. Пространство смысла» (Самара: Изд-во СГПУ, 2006). Этот емкий термин «пространство смысла» в работах автора отнюдь не метафоричен. Он позволяет ему «установить и конкретизировать объем смысла..., который дан в произведении (заложен в самой его структуре) и потенциально присущ ему, но актуализируется (выявляется, раскрывается, обнаруживается) только в ходе прочтения и изучения произведения» (с. 5). Иными словами, внимание исследователя привлекают те проблемы творчества и интерпретации Гоголя, которые представляются наиболее значимыми с точки зрения смыслообразования и позволяют раскрыть потенциально заложенный в произведениях писателя «смысловой потенциал».

Структура произведения и его смысл обнаруживают при таком подходе нерасторжимую связь. Развивая принципы имманентного анализа художественного текста, сформулированные в свое время А.П. Скафтымовым, автор книги о повестях Гоголя едва ли не первым обратил внимание на те элементы их художественной структуры, которые не учитывались исследователями гоголевской прозы. На этой важной в методологическом отношении книге В. Кривоноса следует остановиться подробнее. В ней нет традиционного историко-литературного рассмотрения повестей Гоголя. Автора интересует в первую очередь соотно-

шение в их поэтике структуры и смысла. Показателен в этом плане анализ повести «Тарас Бульба». Внимание ученого привлек сон Тараса, на мгновение пробудившегося, чтобы заметить рядом с Андрием женскую фигуру и укорившего его за это. «Отрывок из действительности» в структуре этого крошечного эпизода определяет, как показывает исследователь, содержание и смысловые границы сна Тараса, который ранее даже не включался в список сновидений гоголевских персонажей. Последовательно разворачивая смысловые обертонны, заключенные в «вещем» сне героя, В. Кривонос раскрывает его значение как семантического узла, к которому сходятся важнейшие сюжетные линии и онтологические смыслы гоголевской повести. Не менее существенным для понимания художественной природы «Тараса Бульбы» оказывается анализ путешествия главного героя в Варшаву, впервые в научной литературе соотносимого по принципу контраста с путешествием Андрия в Дубно. Их символические переключки проясняют провиденциальный смысл путешествия Тараса и его встречи с Остапом, которая «значимо преобразует пространство смерти в символическое пространство спасения и воскресения» (с. 53). «Еврейский» и «польский» сюжеты повести рассмотрены автором книги сквозь призму этноконфессиональных мифов, проясняющих смысл историсофской концепции Гоголя. Анализируя характер противопоставления образов города и Сечи в мифопоэтике «Тараса Бульбы», исследователь обнаруживает не только их резкие отличия, но и парадоксально сближающие их признаки одухотворенного символического пространства, общим звеном которого оказывается идея спасения. Не менее глубокие онтологические смыслы выявляются ученым в гоголевской поэтике *вещи*, которая видится одновременно и в антропоцентрической, и теоцентрической перспективе (с. 132). Послужившая причиной гибели героя *люлька Тараса* наделена в повести свойствами символической вещи, выражающей смысл казацкой жизни и судьбы.

Смысловое пространство петербургских повестей рассмотрено в этой же книге в ином аспекте и в иной исследовательской оптике.

Здесь на первый план выходят *трансформации смысла*, важная для гоголевской поэтики идея метаморфозы, тотальной превращаемости форм и явлений. Как показано в книге, они проявляются на разных уровнях художественной структуры петербургских повестей. Так, фольклорный по своему происхождению мотив inferнального заколдованного места, имевший в ранней прозе писателя локальный характер, приобретает универсальный смысл и переносится на все петербургское пространство как таковое. Эта особая рода реальность, где «все не так, как кажется», реальность фантомная, сновидческая, призрачная, делает фиктивным и существование персонажей гоголевских повестей, теряющих ориентацию в обманном петербургском мире. Неумение героев ответить на вопросы *где* и *когда*, по точному заключению В. Кривоноса, несет в себе важный этический смысл и может служить не только признаком их «патологического состояния» в «Записках сумасшедшего», но и проявлением духовной слепоты («Невский проспект») или свидетельством моральной метаморфозы («Портрет»). Глубокий анализ трансформации смыслов архетипического мотива чудесного рождения позволяет автору книги во многом по-новому определить его роль в сюжетной структуре «Носа» и «Шинели». Уже обращалось внимание на трагический характер гоголевских аллюзий на сказочно-мифологический и евангельский сюжеты о чудесном рождении героя. Углубляя и расширяя эти наблюдения, В. Кривонос показывает, что в контексте всего цикла мотив чудесного рождения приобретает трансцендентальное измерение, связанное с гоголевской философией человека.

Столь же значимыми оказываются в повестях метаморфозы восходящего к обряду инициации сюжета испытания. Неопределенность человеческого статуса поручика Пирогова или майора Ковалева, редуцированного до их чина, «превращает испытание в фикцию, а самого героя в антропологический казус» (с. 171). В риторике повествователя ключевая для гоголевской антропологии категория *души* иронически сопрягается с бюрократической категорией чина. Петербургский герой-чиновник предстает в этой иерархии «не только как антропологический казус, но и как антропологическая загадка». Проблема гоголевского человека – один из главных смысловых центров книги о повестях. Предметом специального исследования ее автора становятся черты инфантильности и детскости в поведении героев писателя. Онтологическое изме-

рение детской темы у Гоголя ученый видит в том, что даже в комически искаженной форме она выступает как проявление сакрального в профанном мире, как «некий замысел о человеке» (с. 200). В том же аналитическом ключе, выявляющем диалектику inferнального и сакрального, раскрываются в книге смысловые метаморфозы женских образов Гоголя.

Универсальным для Гоголя принципом изображения человека является контраст «подобия» и сущности, зияющий разрыв между тем, что герой думает о себе, кем он хочет казаться, и тем, чем он является на самом деле. В. Кривонос обнаруживает тесную взаимосвязь этого изобразительного принципа с такой характерной чертой повествовательной манеры Гоголя, как *самопародирование*, позволяющей ученому раскрыть, к примеру, новые смыслы в «Невском проспекте», обычно ускользающие при «серьезном» подходе к гоголевскому тексту. Если в «Вечерах» самопародийным двойником романтических персонажей первого гоголевского сборника оказывается Иван Федорович Шпонька, то в «петербургском» цикле роль самопародии наиболее значительна в структуре образов главных героев «Невского проспекта» и «Носа». Художник Пискарев и поручик Пирогов лишь имитируют поведение романтических героев, но при этом один из них является самопародийным двойником другого. Взаимосвязь принципа самопародирования с гоголевской «философией человека» еще более отчетлива в повести «Нос», в которой происходит пародийное удвоение майора Ковалева, и где, по точному заключению исследователя, «человеку уготована роль антропологического казуса» (с. 274). Выявление глубоких внутренних связей гоголевских повестей позволяет ученому показать смысловую многоплановость «Коляски», которая играет по отношению к петербургским повестям роль самопародии, «профанируя столичный мир путем его пародийного удвоения и дублирования» (с. 283).

Важнейшим структурно-смысловым свойством гоголевской прозы, выделенным и проанализированным В. Кривоносом, является принцип проблематичности. В петербургских повестях, по точному наблюдению исследователя, «внешняя немотивированность событий и действий и несовпадение логики повествования с логикой причинно-следственных связей ведут к резкому усилению проблематичности всего происходящего» (с. 303).

Все эти по-настоящему значимые научные открытия автора получили углубленное разви-

тие в рецензируемой книге ученого, в которой собраны его работы последних лет.

Многоаспектность исследовательского подхода к творчеству Гоголя позволила автору книги сосредоточиться на способах и формах взаимодействия мира и человека в произведениях писателя. Этой проблеме посвящена первая глава «Мир и человек у Гоголя». Характерная для гоголевских героев ситуация потери дороги, синонимичная неверному выбору жизненного пути, связана, по убедительному мнению ученого, с погружением изображаемого мира в состояние хаоса, образы которого подробно анализируются в книге. Особую роль в этом мире играет символика «отмеченных» в гоголевских текстах чисел, призванных, по мысли В. Кривоноса, быть символическими константами описываемых событий (с. 12). Анализ этой символики дает возможность показать, как происходят в мире и в душе гоголевского человека преодоление демонического хаоса и восстановление сакральных космических структур и ценностей.

Центральное место в первой главе занимает поэма «Мертвые души». На ее материале автор проводит исследование таких пространственно-символических образов, как город, сад, порог, место, оказывающих существенное влияние на способы изображения персонажей писателя. Провинциальный город в поэме – это пространство метафизической пустоты, заполняемой в сознании его обитателей архаическими мифами творения. Они превращают город в фантастическое пространство, в котором, «в отличие от гоголевского Петербурга, странные фантомы являющиеся на свет благодаря воображению городских обывателей и функционируют исключительно как персонажи иррациональных по содержанию слухов и толков» (с. 60). Вот почему столь велика в повествовательной структуре «Мертвых душ» роль жанровых традиций городского фольклора. Параллельно основному сюжетному действию в поэме возникает «сюжет молвы», разворачивающий различные мифологические проекции образа Чичикова. Так, анализируя роль наполеоновского мифа в этом сюжете, В. Кривонос отмечает его полемичность по отношению к романтической мифологизации образа императора и приходит к выводу, что «Чичиков выступает пародийным двойником не столько самого Наполеона, сколько его культурного имени, т.е. его сугубо словесного феномена» (с. 83). Стихия городского фольклора превращает романтическую легенду о Наполеоне в страшную историю и анекдот. Пародийный модус яв-

ляется, по мнению исследователя, определяющим в «Повести о капитане Копейкине» не только потому, что позволяет соотнести рассказанную почтмейстером «в некотором роде поэму» с мифологизированным городскими дамами образом Чичикова-разбойника «вроде Ринальда Ринальдини». В. Кривонос видит здесь проявление гоголевского принципа самопародирования авторского стиля, о котором говорилось выше. Предложенные исследователем гоголевских повестей приемы анализа пространственно-мифологических универсалий позволяют ему увидеть онтологический смысл взаимосвязи человека и его места в художественном пространстве поэмы. Предметом пристального внимания ученого становится пространство «меланхолического сада» Плюшкина и символика места во втором томе «Мертвых душ». Это свидетельствует о методологической плодотворности идей самарского ученого.

Не менее важной гранью анализа взаимоотношений мира и человека становятся для В. Кривоноса жанровые традиции средневековой литературы – притча и житие. Под этим углом зрения анализируются в книге притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче и биография Чичикова как «порогового человека», замысел возможного преобразования которого реализован, по мысли исследователя, в самой «повествовательной структуре» поэмы (с. 130).

Вторая глава книги «Гоголь и русские писатели» построена на широком историко-литературном материале, отражающем роль и место Гоголя в русской литературе XIX – XX вв. Исследуя отражение концептов *воли* и *доли* из поэмы «Цыганы» в повести «Тарас Бульба», автор книги не только впервые сопоставляет эти произведения, но и предлагает новый подход к проблеме гоголевской рецепции творчества Пушкина. Его интересует «не трактовка Гоголем пушкинских тем и мотивов, но смысловой контакт между произведениями». Он убедительно показывает, что «поэму Пушкина и повесть Гоголя соединяет «скрытый» и одновременно «сквозной» для русской литературы сюжет, организующим событием которого служит конфликт воли и доли» (с. 181). Особый интерес Гоголя в первой половине 1830-х гг. к творчеству В. Одоевского служит для исследователя стимулом к сопоставительному анализу мифологии уездного города в произведениях этих писателей-современников. Столь же плодотворным оказывается в книге обнаружение творческих соприкосновений поэмы Лермонтова «Тамбов-

ская казначейша» и повести Гоголя «Коляска». По аргументированному предположению ученого, в художественной памяти Лермонтова остались «семантические следы “Коляски”, актуализировавшие в “Тамбовской казначейше” комически интерпретированный обоими авторами мотив оживления провинции» (с. 230). Новый взгляд на проблему творческих взаимоотношений Гоголя и Достоевского предлагается исследователем в ходе анализа сна Свидригайлова, в котором использование гоголевского приема «сон во сне» носит пародийный характер. О роли гоголевских традиций в произведениях М. Булгакова написано уже немало, но В. Кривоносу удается доказать, что разнообразные фольклорно-мифологические мотивы, активно используемые автором «Мастера и Маргариты», в частности мотив заколдованного места, усваиваются писателем в гоголевской «обработке» (с. 249). Завершает главу виртуозный анализ действия гоголевского закона трансформации смысла в современной поэме Льва Лосева «Ружье», сюжет которой основан на отвергнутом автором «Шинели» канцелярском анекдоте о чиновнике, потерявшем ружье. Перевод поэтом темы маленького человека в анекдотический дискурс рассматривается исследователем не как отрицание онтологических смыслов гоголевской повести, а как травестирование ходячих представлений о Гоголе.

В третьей главе книги «Гоголь: мифы и версии» речь идет о способах мифологизации фигуры писателя и его творчества в русской критике от В. Розанова до наших дней. Poleмика Розанова с Гоголем носит, как показывает исследователь, идейный характер. Это «спор о смысле человеческого бытия и об онтологическом статусе человека» (с. 318). Демонизация гоголевского образа в сочинениях В. Розанова связана с его представлениями о живых и мертвых началах русской жизни. Тщательно проанализировав идейную эволюцию розановского восприятия Гоголя, автор книги приходит к выводу, что эти писатели-антиподы оказались в «большом времени» русской и мировой культуры носителями и апологетами сближающей их веры в истину «воскресения» человека (с. 326). Обращаясь к гоголеведческим трудам русской эмиграции, В. Кривонос за-

мечает, что религиозно-философскую критику Русского зарубежья более всего привлекает позднее творчество Гоголя, его поворот к духовным исканиям русской христианской культуры. И хотя эмигрантская критика не смогла выработать «строго определенной и единой точки зрения на позднего Гоголя», заслуга ее, по мнению автора книги, заключается в том, что она проблему эту поставила (с. 335). В заключающей главу работе «“Бедный Акакий Акакиевич” (Об идеологических подходах к “Шинели” Гоголя)», вызвавшей после ее журнальной публикации широкий научный резонанс, острому критическому анализу подвергаются современные литературоведческие интерпретации повести «Шинель», подгоняющую ее «под априорно заданную концептуальную схему» (с. 339). В одних работах смысл повести ограничивается художественной иллюстрацией евангельских истин. В работах другого типа применяется постмодернистская методика безбрежных интертекстуальных аналогий. Но главное, что, по мнению В. Кривоноса, объединяет эти популярные ныне тенденции в истолковании повести, – идеологический подход к ее тексту, «чтение *поверх* стилистики» (с. 349), не только упрощающее его содержание, но и создающее новые идеологические мифы. Ученый показывает, что привносимые этими исследователями в гоголевские произведения смыслы противоречат их поэтике, а самовыражение за счет Гоголя не столько расширяет, сколько обедняет смысловое пространство его текстов.

Огромный интерес к Гоголю как явлению мировой культуры, сделавший его одним из самых востребованных сегодня русских писателей, породил новую волну интерпретаций его творчества – от постмодернистских и психоаналитических до историософских и религиозно-мистических. В этом поистине необозримом море современных гоголеведческих работ позиция В. Кривоноса выделяется своей научной объективностью, независимостью как от смены идеологических векторов и теоретических научных парадигм, так и от очередных витков философской и литературоведческой моды. Труды ученого открывают в гоголевских текстах пространство их художественного смысла.

